

XII Всемирный социологический конгресс

© 1991 г.

В.В. РАДАЕВ, О.И. ШКАРАТАН

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики АН СССР. Автор книги "Отчуждение труда. История современности" (1989, в соавторстве). В нашем журнале публикуется впервые.

ШКАРАТАН Овсей Ирмович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. Автор книг "Проблемы социальной структуры рабочего класса" (1970), "Этносоциальные проблемы города" (1986, в соавторстве) и многих других. Неоднократно печатался в нашем журнале.

Обычный советский человек, вплоть до университетского профессора, десятилетиями жил в мире мифов и легенд, начало которым положил великий мистификатор Сталин. Мир, который окружал советского человека, как бы двоился. В одном была самая прекрасная страна с мудрыми вождями и счастливым населением, а в другом повседневные реальности: коммунальные квартиры, плохая, фальсифицированная пища, врачи, не умеющие лечить, чиновники, которым нужно дать взятку. И между Сциллой мифов и Харибдой повседневных реальностей жили

люди и верящие, и не верящие тому, что их окружало, и тому, что им говорили. Где-то там далеко писались книги советологов, в которых было немало правды. Да и в стране находились еретики, расположенные на двух полюсах общественной лестницы. С одной стороны, некоторые работники ЦК КПСС, а с другой — высоколобые диссиденты, черпавшие непонятными путями информацию об обществе, их окружавшем. Но до прорыва, совершенного М. Горбачевым с его гласностью и демократизацией (и поныне робкими и неполными), в стране не было еще той критической массы интеллектуализма, которая необходима для решения судеб страны. Теперь эта "критическая масса" начала накапливаться, однако ответы на поставленные жизнью вопросы оставались и продолжают оставаться разными.

Большинство спорящих сложившуюся систему общественных отношений, существующие порядки называют казарменным, феодальным социализмом. Подавляющее большинство авторов тем не менее признает, что то ужасное общество, с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной нормой эксплуатации рабочих и крестьян, — все же общество социалистическое, хотя и деформированное, с отклонениями от некоей нормы. Широко распространены и суждения, что этот строй, эта система — прямой результат применения учения Маркса — Ленина, следствие насильственного воплощения теоретической утопии в противовес нормальному ходу жизни. Наш подход заключается в другом: мы стремимся дать объективный анализ сложившегося особого, самостоятельного способа производства.

В СССР, а затем в целом ряде других стран на разных континентах сформировался новый общественный строй, не являющийся ни капиталистическим, ни социалистическим. Это строй с особыми, устойчиво воспроизводящимися чертами, которые знаменуют утверждение новой, самостоятельной общественно-экономической формации. В ее основу легло уничтожение частнокапиталистической собственности (как правило, вместе с ее представителями) и непосредственное (насильственное, внеэкономическое) обобществление государством решающей массы средств производства. Этот строй можно именовать этакратическим.

Этакратизм (дословно — власть государства — от фр. и греч.) — это не цепь деформаций и отклонений, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного общества, которая имеет свои собственные законы. Этакратизм широко распространен в современном мире. В странах Центральной и Восточной Европы новый строй воцарился после насильственного слома в конце 40-х годов народно-демократических режимов. В то же время этакратизм самостоятельно произрастал в обществах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа — в Китае и Корее, на Кубе и во Вьетнаме, что подтверждает неслучайность его возникновения. Этакратизм образовывал основу социально-экономических систем, по-видимому, почти всех стран некапиталистической ориентации, причем, стран со столь несхожим уровнем развития, механизмом хозяйствования, социально-политической системой, что далеко не просто вычленишь универсальные и специфические элементы его отношений. Этакратические общества различаются и степенью огосударствления собственности, и уровнем концентрации хозяйственной власти, и мерой открытости по отношению к внешнему рынку, и ролью партии, вождей, и масштабами влияния репрессивных органов. Но в этих обществах, как внутренние, так и внешние наблюдатели отмечают одно и то же болезненное явление — бюрократизацию, чрезмерную власть аппарата управления, усиление государственности при практически полном отсутствии

гражданского общества. Речь идет при этом о бюрократии особого типа, не имеющей сходных форм в буржуазных странах, сосредоточившей в своих руках как политическую, так и экономическую власть.

* * *

Итак, первое, что ставится нами под сомнение — это обязательное отождествление обществ с преобладанием государственной собственности с социализмом. Поиск исторических аналогий достаточно убедительно показывает наличие в прошлом обществ несоциалистического типа, основанных именно на государственной собственности. Речь идет о способе производства, который К. Маркс называл азиатским, особой, тысячелетиями существовавшей на огромных территориях общественно-экономической формации. Современные советские авторы пришли к выводу о том, что древнеевропейские и древневосточные раннеклассовые общества являлись разными типами социально-экономических структур, появившихся в результате принципиально различных эволюционных процессов [1]. Историческое развитие всегда шло нелинейным путем. И далеко не всюду путь от первобытности вел к отношениям античного рабства, а затем к феодализму и капитализму. Во многих обществах развитие происходило совершенно иным путем.

Сам термин "азиатский способ производства" не точен, поскольку такие общества существовали на всех континентах. Более верен термин, применяемый последние годы некоторыми советскими востоковедами — "государственный способ производства". В основе такого строя — властно-правовая иерархия. Частная собственность на средства производства и землю практически отсутствовала. Господствовала коллективная собственность сельской земледельческой общины и государства, олицетворяемого верховным правителем (ханом, царем, фараоном).

Собственниками земли одновременно являлись и верховный правитель, и местные, и община в целом, и отдельные общинники. Земля, по существу, была как бы ничейной собственностью. Именно и только власть открывала доступ к обладанию ресурсами, к их распределению. Лишь через исполнение управленческих функций можно было стать индивидуально богатым. В целом в таких обществах власть не только возникала раньше собственности на землю, а собственность обособилась как функция власти. Здесь содержание собственности определялось структурой властных отношений. В результате образовался особый тип отношений — "власть – собственность" [2].

В возникшей социальной структуре (верховный правитель — местные вожди — общинники — несвободное население) правовые различия стояли выше экономических. И потому общество делилось не на классы, а на определяемые государством классоподобные группы. И в целом социальный статус определялся не имущественными различиями, а властью и престижем. Именно власть и престиж формировали наивысшие общественные ценности, в то время как богатство, знание и сословное происхождение могли служить лишь средствами для достижения основной цели.

Главным субъектом-эксплуататором выступало государство, стоявшее над всем обществом как гигантская неуязвимая божественная сила. Правящие чиновничьи слои не отделяли себя от государства, вкушая от его плодов, и образовывали некое подобие господствующего класса. Аристократия фактически полностью была инкорпорирована в бюрократию. Сохранение власти было основной заботой правителей. Для поддержания

стабильности существующей структуры государство опиралось на систему корпораций (община, каста, клан). В свою очередь, государство обеспечивало внешнюю безопасность страны и защищало население от местного произвола.

Основной формой эксплуататорских отношений выступало централизованное изъятие прибавочного продукта в виде так называемой ренты-налога, реализующей одновременно функцию собственности на землю (рента) и функцию государственной власти (налог). (В нераздельности этих функций проявляется основная черта государственного способа производства.) Налог этот имел всеобщий характер для свободного населения страны, исключая чиновников государственного аппарата. Причастные к власти чиновники могли накопить свое собственное богатство. Дифференциация и накопление имущества происходили и снизу — в результате постепенного обогащения общинной верхушки, ростовщиков, некоторых наиболее удачливых торговцев, ремесленников. Но развиваться в полной мере частной собственности так и не было суждено. Тенденция к приватизации находилась под строгим контролем государства, которое не только оберегало казну от "своекорыстных паразитов", но и всячески воздействовало на снижение имущественных различий путем продажи рангов, конфискации крупных состояний.

Конечно, данный способ производства существовал в многообразных исторических формах. Но за внешним разнообразием проглядывают сущностные черты социально-экономического строя, гомеостатическое состояние которого было взломано (и весьма болезненно) буржуазным колониальным вторжением.

* * *

Вернемся к современной этакратической системе. У истории хорошая память, хотя ничто в точности не повторяется. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа. История вновь своенравно пошла по нелинейному пути. Добуржуазные и раннебуржуазные общества трансформировались (эволюционно или в результате антикапиталистических революций) в капиталистические или этакратические системы. Этакратизм не обязательно следует за капитализмом и не стоит выше него на лестнице общественного процесса. В самом деле, этот строй не дал более развитых по сравнению с капитализмом производительных сил, не обеспечил населению более высокого уровня материального благосостояния, не ликвидировал наемного характера рабочей силы, не поднял человека на действительно новую духовную высоту. В нем есть свои эксплуататоры и эксплуатируемые, своя система норм и ценностей, свои представления о социальной справедливости свои экономические законы. Мы выбрали в качестве общего образца Советский Союз, ибо его можно признать классическим вариантом, которые к тому же долго и усиленно навязывался другим странам и народам в качестве единственного пути прогресса и процветания.

Как же на самом деле выглядит латентная сущность этого общества, десятилетиями убеждавшего других и себя в своей пуристской социалистичности? Выделим сначала определяющие черты специфической системы экономических отношений. Они сложились на основе высокоэкономического обобществления, насильственного присвоения государством подавляющей массы средств производства.

В своем общем виде государственная собственность как бы анонимна. А реализует государство эту собственность, переуступая ее своим ведомствам (министерствам, госкомитетам). И государственная собственность как таковая постепенно превращается в собственность ведомств, распоряжающихся львиной долей государственных ресурсов. Возникает монополизм ведомств, не знающий преград и даже малейших элементов конкуренции. И если капитализм сравнительно быстро изжил монополизм гигантских корпораций, то этакратизм перестроил всю экономическую систему на принципе монополии отраслевых ведомств. Теоретически это обосновывалось рационализмом организации производства, целесообразностью концентрации ресурсов. Поэтому можно считать, что экономическим основанием этакратического общества является государственно-монополистический способ производства.

За ведомственной собственностью, в свою очередь, скрываются узкогрупповые интересы бюрократического аппарата и примыкающих к нему привилегированных слоев, имеющих возможность использовать государство в своих корпоративных целях. Немаловажную роль играют при этом и интересы личного присвоения. Но они все же подчинены, как правило, решающему групповому интересу сохранения и укрепления своего правящего положения. Собственность на средства производства при этом формально-юридически принадлежит будто бы всем трудящимся. Но на самом деле работники отчуждены от этой собственности. Они и не являются собственниками, и не считают себя таковыми. Соединение человека с отчужденными от него средствами производства приняло форму государственного найма, который ничем не лучше, а в некоторых отношениях хуже капиталистического. При капитализме государство в определенной мере выступает посредником, ограничителем притязаний обеих сторон. В нашем же случае государство и нанимает, и посредничает, и ограничивает, но, как правило, лишь одну сторону — наемного работника. Не случайно, что для оплаты труда в национальном доходе у нас предусмотрено в 1,5 раза меньше средств, чем в США, а уровни зарплаты различаются примерно в десять раз. И если понимать под эксплуатацией трудящихся соотношение долей продукта, забираемого у работника и оставляемого ему в виде оплаты труда, и мер социальной защиты, то эксплуатация в СССР, даже по официальным данным, намного выше. Она носит косвенный характер и связана с централизованным перераспределением между социальными группами доходов предприятий и населения. Инструментами этой эксплуатации служат: заниженная заработная плата, регулируемая по внеэкономическим критериям значимости отрасли и предприятия; жесткая внерыночная система ценообразования; налоговые льготы; нормы формирования фондов предприятий (в том числе на оплату труда и социальные нужды) и т.д. Это целостная разветвленная система хозяйственно-политических рычагов присвоения чужого неоплаченного труда.

Даже собственность на свою рабочую силу перестала носить личный характер. Она трансформировалась в собственность государства. Можно ли говорить о личном характере этой собственности при существующем паспортном режиме и правилах прописки, учете непрерывности трудового стажа, жестком регулировании выезда на работу и жительство за пределы СССР, наконец, прямом закреплении работников на конкретном заводе, в колхозе? Государство регулирует основные потоки перемещения работников ("трудовой ресурс" и "человеческий фактор" — пожалуй, наиболее подходящие обозначения роли человека в этакратической системе производства). Подготовка и переподготовка рабочей силы также идет за счет государства и по единому государственному образцу.

Не следует также забывать, что для большинства государственный найм остается преобладающим или единственным источником средств существования.

Даже при неглубоком рассмотрении экономических отношений этакратизма сразу бросается в глаза их нерациональность. Экономическая деятельность практически на всех уровнях предстает как цепь неэффективных решений — навязываются заранее несбалансированные планы и подавляются проблески живой инициативы работников, растрачиваются дорогие, чрезвычайно дефицитные ресурсы и возводятся гигантские, никому не нужные объекты, ведется всеобщая битва за урожай, после которой готовому продукту позволяют преспокойно догнивать на складах. Чисто экономически эта картина действительно необъяснима, причем, не только с точки зрения высокой теории, но часто и простого здравого смысла. (Так что на неумение и некомпетентность всего не спишешь, хотя в дефиците они никогда не были.) Но не стоит поддаваться соблазну объяснить все этой мнимой рациональностью. Всякий абсурд в конце концов имеет земные корни, и с позиций определенных интересов в данном случае все построено весьма разумно.

Дело в том, что тотальная государственная собственность возникла на основе политической власти и определялась ее структурой. Главная черта окружающей нас экономической системы заключена в том, что она является прямым продолжением политической власти. Политика и идеология здесь бесспорно выше экономики. Так называемые базис и надстройка поменялись местами. И более того, их разделение, похоже, лишилось смысла. Место "чистых" экономических связей занял особый род отношений, который можно назвать властно-собственническими. Экономические отношения здесь утрачивают свою самостоятельность. Политика вторгается в само их содержание, причем, сплошь и рядом, в качестве решающего, конституирующего элемента. В этой системе секретарь комитета партии (районного и повыше) не только активно участвует в экономических процессах, но и диктует по многим линиям свою волю хозяйственным руководителям. А отраслевые министерства и ведомства, эти полномочные представители государства, лишь считаются хозяйственными исполнительными органами. Действуют они как органы политические. Причем, не особенно стесняя себя правовыми нормами; ибо творцы закона — сами ведомства.

Особенностью экономики этакратизма как системы является принципиальное отсутствие самостоятельных экономических законов. Общая направленность производства предопределяется волевыми действиями власть имущих. Конечно, экономические рамки не исчезают, но они достаточно подвижны. Ибо экономическая эффективность не является здесь целью и критерием оценки результатов хозяйственной (в том числе и управленческой) деятельности. Подход к хозяйству этакратической системы с мерками экономического рационализма (эффективно — неэффективно, Рентабельно — убыточно) заранее обречен на провал. Хозяйствующие субъекты не стремятся к повышению экономической эффективности своей Деятельности (тем более всего общества). Главная цель этакратии — воспроизведение и расширение своей власти — не стоит в прямой зависимости от масштабов и способов затрачивания ресурсов. Это не означает, что господствуют полный произвол и анархия, ибо волевые действия имеют свои собственные законы. Да и волюнтаризм в экономике Доведенный до крайности, способен обернуться (и уже оборачивается) против своих творцов. Что же касается самой хозяйственной сферы, то она в этих условиях оформляется в достаточно стройную и по-своему логичную систему отношений.

Сущность социально-экономической системы может быть понята, если найден основной закон ее функционирования и развития. Многие годы любому честному исследователю было не по себе от разительного противоречия между провозглашенным основным законом (повышение материального благосостояния и свободное гармоническое развитие всех членов общества) и жизненными реалиями. Очевидно, производство подчинялось совсем другой цели. И представляется, что основной экономический закон этакратизма заключен в постоянном самовозрастании (укреплении, приумножении) государственной собственности. Росту государственной собственности, наиболее отвечающему интересам этакратии, были подчинены планирование и управление, на него была ориентирована по существу вся структура народного хозяйства. Вся эта гонка за показателями всего лишь средство для поддержания и упрочения политической власти, повышения ее внутреннего и международного авторитета.

Государство было способно поддерживать относительно благоприятную экономическую динамику путем растрачивания огромных ресурсов. Сначала сжигались дешевые трудовые ресурсы. Потом принудительная система внутри и за колочей проволокой начала давать сбои, и основным источником выступила хищническая растрата природных богатств. Когда же замаячил предел "дарового" сырья и возник различимый облик экологической катастрофы, "нормальное" состояние застоя стало переползать в кризис.

Но окончательная несостоятельность этакратической системы обнаружилась в условиях перехода к современной информационной экономике, к высоким технологиям. Нельзя добиться устойчивого успеха с помощью полукрепостного труда там, где нужны гибкие, динамичные формы организации производства. Основная движущая сила "компьютерной революции" — ученые, инженеры, предприниматели, управляющие, т.е. технократическая элита.

Но многое ли могут сделать люди с дипломами об университетском образовании в стране, где они задавлены службой и бытовой неустроенностью, уравниены по зарплате с работниками средней и низкой квалификации, где им постоянно указывается их место (а место это далеко не самое почетное)? Когда мерой профессионализма считается искусство выполнения приказов руководства, что можно требовать от подавляющего большинства специалистов? Если в канун второй мировой войны в промышленности заработная плата инженеров была более чем в два раза больше, чем у рабочих, то теперь инженеры без управленческих функций зарабатывают намного меньше рабочих.

Фактическая коалиция управляющих верхов с широкими массами работников неквалифицированного труда и защищенных барьерами ведомственного протекционизма постепенно превратила нас в общество полупрофессионалов и четвертьпрофессионалов. Опасаясь потерять социальную опору, консервативные элементы властвующей элиты препятствуют усилению позиции технократических групп, тормозят технологический прогресс. Характерно противодействие увеличению доли работников умственного труда в крупных городах, сопротивление попыткам деиндустриализации городов—центров национальной культуры и человеческого капитала. Продолжается политика поддержки гигантских предприятий — средоточий неквалифицированной рабочей силы; зато огромные трудности испытывают малые фирмы — кооперативы, производящие интеллектуальный продукт. Все это является свидетельством борьбы этакратической системы за самосохранение.

Таким образом, в СССР с ликвидацией частной собственности и классов на первый план выступили властно-собственнические отношения.

Властвующая элита при этом частью исследователей рассматривается как новый господствующий класс. Впервые эту идею высказали еще в предвоенные годы Б. Рицци, Д. Бернхем, а в 50-е годы — М. Джилас, Ст. Оссовский и другие [3]. Совсем недавно в СССР с подобной концепцией выступил С. Андреев, который утверждает, что управленческий аппарат обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможность присвоения не принадлежащего ему чужого труда, используя свое положение в системе общественного производства [4] Представляется, однако, что на самом деле этакратия (данное понятие шире бюрократии) — это не "новый класс", поскольку она, хотя и способна использовать государственную собственность в корыстных целях для присвоения добавочного количества жизненных благ, но не в состоянии распоряжаться средствами производства в полной мере как своими собственными, эксплуатировать их как свои в производственном процессе Этакратия воспроизводит себя не через особое экономическое отношение к средствам производства, а через монопольное положение в системе власти, через свою "собственность на государство". При этом этакратия не отделима от государства. Поэтому полагаем, что правы те исследователи, которые рассматривают властвующих не как экономический класс, а как особый социальный слой [5].

Концепция советского общества как этакратического предполагает, что в нем определяющими являются не дихотомические классовые отношения, а слоевые отношения неравенства по поводу места в системе "власть— собственность". Это не означает, что отношения по поводу средств производства выключены из числа факторов социальной дифференциации. Но они выражаются не в оппозиции "собственник — несобственник", а в континууме, отражающем меру присвоения этих средств в зависимости от места во властной иерархии, которая образует стержень всей социальной структуры. Правящие слои образуют этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью, в то время как большинство работников отчуждено от хозяйственно-политической власти. Действия этакратии освящены идеологией "исполнения воли народа". Но ее групповые интересы имеют постоянную тенденцию к обособлению.

В Советском Союзе этакратия может быть достаточно четко эмпирически отслежена (если будет открыта соответствующая информация) через анализ номенклатурной системы. Номенклатура — принцип организационно-иерархического построения, опорный каркас этакратии. В ее состав входят руководители органов государственного управления и их структурных подразделений, руководители и инструкторы партийных и всесоюзных общественных организаций; руководители предприятий и учреждений государственного и колхозного секторов народного хозяйства; генералы и старшие офицеры армии, госбезопасности и охраны общественного порядка. Бесспорно, среди руководителей разного ранга есть прогрессивно мыслящие люди и консерваторы, преданные делу и карьеристы, квалифицированные и полупрофессионалы. Но их принадлежность к этакратическим слоям определяется объективным положением в официальной структуре власти.

Этакратия не является совокупностью замкнутых слоев. И попасть в нее в принципе могут представители буквально всех социальных групп. Непременные условия — политическая убежденность и личная преданность руководству. Так что вертикальная мобильность хотя и существует, но почти всецело подчинена воле аппарата, продвижение "удачливых" индивидов происходит не в результате соревновательного движения снизу, а на основе целенаправленного отбора сверху (нужного количества рабочих, колхозников, мужчин, женщин и т.д.). Тщательно отрегулированная социальная

мобильность гарантирует обновление при общей стабильности всей властной структуры. В этакратической системе образование и квалификация, предприимчивость и личное богатство не гарантируют их обладателю высокого официального положения. Напротив, статус и привилегии человека определяются его местом во властной структуре, которое открывает также ему и его наследникам более благоприятные пути к знанию и материальной обеспеченности.

В печати начала появляться информация о привилегиях номенклатуры. Это правда, но не вся правда. Практически в идеальном для такого общества случае все люди занимают некую социальную "экологическую нишу", которая гарантирует получение определенной суммы благ и услуг. Эффективность труда при этом имеет второстепенное значение. Главное: профессия, должность, отрасль и даже регион, город, где живет человек. (Характерно, например, что очень хороший и квалифицированный рабочий, скажем, в легкой промышленности может получать значительно меньший объем заработной платы и прочих благ, нежели весьма посредственный рабочий на оборонном заводе.) Санатории и дома отдыха, качество приобретаемых продуктов и возможность получить нестандартное лечение — все это подлежало ведомственному распределению в течение десятилетий.

И общая стабильность общества поддерживалась именно системой социальных гарантий для широких низших слоев населения: создание практически полной занятости (в том числе для масс неквалифицированного труда); небольшие, но устойчивые доходы за работу вполсилы; уверенность и спокойствие, даваемое отсутствием конкуренции; получение минимума (пусть некачественных) социальных благ (бесплатное образование, здравоохранение и т.д.). Этакратия поддерживала своеобразный союз с менее квалифицированными и образованными группами населения через голову его наиболее образованной, квалифицированной, творческой части.

Подобные отношения существенно влияли на всю систему организации жизни. Гражданские связи, лишь складывавшиеся после отмены крепостного права и получения городами и сельскими общинами определенных прав самоуправления, постепенно рухнули. Прежде всего потому, что к 30-м годам исчезли самостоятельные субъекты хозяйствования. Все работники превратились в государственных служащих. Это оно, государство, решало и по сей день решает, где и какое предприятие построить, какое закрыть, сколько строить квартир и какого типа, какова будет ширина улиц и чему учить детей в школах и т.д. Естественно, в итоге умерла самостоятельность населения, люди просто отвыкли самостоятельно принимать решения и нести за них элементарную ответственность.

Характерной чертой системы была экономия средств на воспроизводство и развитие человека. В особо тяжелом положении оказались (относительно, а иногда и абсолютно) высококвалифицированные рабочие и интеллигенция (инженеры, учителя, врачи, ученые), в значительной мере лишенные возможности расширенно воспроизводить свою культуру. Проблема полуобразованности, полуинтеллигентности — одно из трагических последствий этакратического управления. В результате этакратизм закрыл для народов нашей страны путь для вхождения в современное информационное общество.

Господствующие группы в сложившейся ситуации не без основания предпочли сохранение миражей успешного социалистического строительства, избранности народа, принадлежащего к особому, невиданному ранее обществу. В этом контексте важная роль принадлежала тем идеологическим клише (об уничтожении эксплуатации человека человеком и растущей социальной однородности), доверие к которым еще не изжито ни в массовом сознании, ни у многих обществоведов. Подтекст подобных настроений,

на наш взгляд, таков: нет групп со своими, особыми интересами, у всех сходные потребности и ориентации, единые цели; существует, таким образом, полная монолитность общества. На деле же установка на унификацию жизни означала подавление продуктивных тенденций к возрастающему многообразию социальных и экономических форм, к живому плюрализму в культуре и духовной жизни. Выгодны такие идеи могут быть только этакратии для упрощения задач манипулирования обществом.

История человечества, за исключением ее наиболее темных периодов, есть рост разнообразия отношений, социальных групп, образов жизни. Стремление же объединить систему социальных отношений неизбежно ведет к стагнации общества. В том же направлении "работает" искусственная, изобретенная великим мистификатором И.В. Сталиным модель социальной структуры "два+один" (два дружественных класса и социальный слой интеллигенции). Эта формула вся соткана из недопониманий и противоречий. Классы рабочих и колхозного крестьянства выделены по одному критерию (различия государственной и колхозно-кооперативной форм собственности), а интеллигенция — по другому (по характеру труда: умственный — физический). Потаенный смысл подобной операции сводится к обоснованию идеи ведущей роли рабочего класса по отношению к интеллигенции, он служит инструментом искусственного противопоставления интеллигенции рабочим, используется консервативными общественными группами и для сдерживания наиболее образованных и информированных слоев населения. Само понятие "слой интеллигенции" по отношению к категориям работников, вчетверо более многочисленным, чем колхозники, и глубоко дифференцированным по месту и роли во властно-хозяйственных отношениях, неплодотворно (сюда включают всех — от министра до счетовода).

Иная ситуация с выделением в особую социальную группу (класс) колхозников. Происходивший в течение долгих десятилетий постепенный процесс обезземеливания крестьян и огосударствления колхозов давно завершился реальным превращением крестьян-кооператоров в таких же наемных рабочих, как и работники совхозов. Таким образом, формула "два+один" скрывает за мнимой усиливающейся однородностью усредненных, искусственно сконструированных социальных групп достаточно резкую и возрастающую стратификацию общества.

* * *

Чрезвычайно важен вопрос об исторической закономерности этакратизма. К моменту Октябрьской революции Россия представляла собой сплав исторических эпох, существовавших на одной огромной территории. Передовые предприятия и крупные концерны, серьезные научные школы, великолепная литература и искусство — и все это погружено в многомиллионный крестьянский мир, в среде которого не только сохранилась память о недавнем крепостничестве, но еще жили и работали те, кто сами были рабами у помещиков. Особо сложным было положение на национальных окраинах. Многие из проживавших там народов, почти сплошь неграмотные, не были втянуты даже в начальные формы капиталистических отношений. Высокая смертность, массовые эпидемические заболевания, оторванность от современной цивилизации характеризовали жизнь этих, как казалось, безнадежно отсталых народов.

Такое недавнее историческое прошлое уже само по себе стало фактором, необыкновенно усложняющим переход к социалистическим формам жизни. Характерно, что по многим наблюдениям привычные, веками существовавшие общественные отношения уже при "социализме" вновь и

вновь возрождались, воспроизводились во многих регионах страны, хотя внешней формой этих отношений всегда являлись официально признанные государственно-социалистические ценности.

В России революционного периода реальной альтернативой этакратизму было лишь постепенное экономическое расширение и углубление капитализма, разрушающее сохранившиеся формы полуфеодальных и патриархальных отношений, идущее рука об руку с повышением образовательного и культурного уровня подавляющей массы населения. Но трудно отрицать, что становление этакратического способа производства в нашей и других странах носило во многом закономерный характер, имело серьезные объективные и субъективные предпосылки.

Можно сколь угодно долго распространяться о потенциальной эффективности нэпа в случае его продолжения и развития. Но следует встать ногами на твердую почву: после завоевания и защиты новой политической власти, при той социальной структуре, уровне экономического развития и общей культуре населения реальной альтернативы этакратической системе уже не было. При этом признание закономерности этакратизма ни в коем случае не означает принятия исторической неизбежности социальных и экономических издержек, чудовищных репрессий, оправдывать которые было бы просто преступно, ибо существовала возможность развития этакратизма в менее жестких и бесчеловечных формах.

* * *

Какой же вклад внес этакратизм в копилку общественного прогресса? Увы, позитивными результатами он не блещет. И ладно бы еще дело ограничивалось резким отставанием в экономической сфере. Но ведь отстали мы и в области социальных отношений, где наше первенство подчеркивалось непрестанно. Семьдесят седьмое место в мире по уровню личного потребления на душу населения и двадцать восьмое — по уровню образования — о чем-то говорят. Подобные цифры свидетельствуют, что мы вежливо пропустили вперед не только все развитые страны, но и многих из второго—третьего эшелонов. В убогих условиях воспроизводства человека, его недопотреблении и недоразвитии этакратизм находит свой исторический предел. Он не нужен современному человечеству, не способен ответить на запросы времени: динамизм, устремленность к новому типу личности, неизмеримо более богатой духовно, нежели в прежние исторические эпохи.

А что же нынешняя революция? (А это, безусловно революция. Речь идет о смене формаций.) Она началась в восточноевропейских странах под знаменем обновления социализма, но по сути это антиэтакратическая революция. Она может дать выход из тупиков государственно-монополистического способа производства.

Каковы же новые ориентиры? Это переход к смешанной экономике со значительной приватизацией средств производства, правом людей иметь частную собственность. Это развитие рынка, это формирование институтов гражданского общества, многопартийность, отказ от разделения общества на ведущие и ведомые слои, классы, опора на все здоровые социальные силы, учет их разнородных экономических, политических, национальных и культурных интересов. Это утверждение примата общечеловеческих ценностей.

На практике против первых, даже робких шагов в сторону рыночной экономики и гражданского общества решительно выступили разноликие социальные силы, возглавляемые номенклатурными работниками и

идеологами научного коммунизма. Конечно, в этой борьбе были и победы. Особенно заметными были в эти годы успехи кооперативов, большинство которых, по сути, являются мелкими частными предприятиями. Всего лишь за два года (1988—89 гг.) число работающих в кооперативах увеличилось в 137 раз (с 70 тыс. до 4,5 млн. на январь 1990 г.). Объем продукции достиг 41 млрд. руб., т.е. 5% валового национального продукта. И это в условиях, когда государственный сектор топчется на месте, не давая никаких приростов. Казалось бы, вот путь, вот спасение – рынок, кооперативы, частная собственность. Но вплоть до сегодняшнего дня идут острейшие дискуссии. Открывая первое заседание Президентского совета, М.С. Горбачев вновь повторил, что "реалистически глядя на вещи, можно говорить о том, что государственная собственность остается преобладающей..." [6].

В этом же выступлении он, как мне кажется, частично объяснил мотивы своего осторожного отношения к разгосударствлению собственности, отметив "невероятные политические, экономические, психологические трудности". На самом деле трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо "исправить". В сознании очень многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей.

Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки. Под ценностями социализма многие понимают государственную собственность на средства производства, бесплатность социальных услуг, гарантированность трудоустройства. Эффективность производства, привилегии таланта, социальная справедливость в виде оплаты по количеству, качеству и уникальности труда не входят у этих людей в их представления о социализме. Тем не менее, соотношение сторонников и противников этакратической системы шаг за шагом меняется в пользу последних.

Население крупных городов, молодое поколение, большая часть интеллигенции и квалифицированных рабочих образуют антиэтакратический фронт. Другое дело, что в этой среде есть немало предрассудков, колебаний, застарелых стереотипов. Поэтому можно предвидеть, что процесс "переустройства" страны на нормальных началах социально ориентированной рыночной экономики и гражданского общества потребует значительного времени и громадных усилий передовых сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989. С. 260.
2. Васильев Л.С. Феномен власти — собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982.
3. Burnham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y. 1941; Djilas M. The New Class. An Analysis of the Communist System. L. Thames & Hudson. 1957; Ossowski St. Struktura klasowa w społecznej świadomości. Lodz. 1957.
4. Андреев С. Причины и следствия.//Урал. 1988. N 1; он же. Структура власти и задачи общества.// Нева. 1989. N 1.
5. Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class Toward an Estatist Society // International Journal of Sociology. Winter. 1981 —1982. Vol. XI N 4
6. Правда. 1990. 28 марта.